

Никитин

С большим возмущением прочитал я в номере вашей газеты от 6 мая статью Е. Титовой «Горсть земли с солдатского поля». Речь идет в ней о братании с бывшими членами гитлеровских банд, устроенном в г. Волгограде. Хотелось бы спросить у автора: что это за ветераны, у которых поднялась рука дарить букеты недобитым убийцам, насильникам, грабителям?

«Президент» какого-то фонда А. Безуглов заявляет, что это не солдаты начинали войну, что их использовала гитлеровская система, которая спекулировала на тщеславии молодых людей проявить себя. Это примитивная и дешевая ложь доморощенного адвоката гитлеровских убийц. Эти самые солдаты и являлись основной составной гитлеровской системы. Убивать грудных детей, женщин, стариков, расстреливать раненых в госпиталях, насиловать, грабить — это что, способ проявить себя?

И не Гитлер стоял за спиной каждого отдельного бандита, когда он творил разбой и насилие. Все это они творили с большой охотой и зачастую по собственной инициативе. В поселке Грицев Шепетовского района Хмельницкой области есть мемориал погибшим воинам. На одной из стел помещен список детей партизан и подпольщиков, замученных немцами в 1943 году. Не убитых, а именно замученных. В этом списке дети, 1, 3, 4, 12 и одна 17 лет. Разве можно назвать воином бандита, хоть и в форме, замучившего годовалого ребенка?

А вот нашлась некая Е. Титова, которая величает этих уцелевших негодяев «воинами». Не слишком ли рано началось всепрощение? Еще живы узники концлагерей, сироты, воины Советской Армии, воины настоящие, воины с большой буквы.

Вот тогда похороните последнего из них, тогда встречайте бывших убийц с цветами и объятиями.

В. РЯБЕЦ.

СЛАВУТИЧ,
Хмельницкая область.

Письмо читателя
комментирует
народный артист СССР
Юрий НИКУЛИН

«Я рад, что не убил вас на войне»

Я вспоминаю, как во время встречи советских читателей с Генрихом Бёллем, когда собеседники уже прониклись взаимным уважением, симпатией, один из участников разговора, ветеран Великой Отечественной, спросил:

— А где вы были во время войны?

Бёлль ответил:

— На Восточном фронте.

Тогда наш фронтовик понимающе кивнул:

— Я тоже.

И дальше совершенно неожиданно добавил:

— И я очень рад, что не убил вас тогда на войне...

Мне, как и большинству советских людей моего поколения, выпало такое на долю — воевать. Солдатом, рядовым войны. Я ее своими глазами видел, на своих плечах тащил. Не буду это долго расписывать, скажу только, война — это страшная вещь. То, что повидать в те годы не забудется никогда. Она и сейчас живет в нас, и не только в тех, кто сам воевал, нет, даже в еще молодых совсем людях.

Иной раз аukaется ее страшное эхо. Такая война входит в гены народа, надолго оставляет свой след. И страшно не только то, что на любой войне убивают. Еще ужаснее, что она убивает человеческое в людях, приближая их порой к зверю.

Это — норма войны. Понимаете, нельзя убивать, даже врага в бою, — если ты, конечно, нормальный человек, — без любви ненависти. Нельзя вонзаться в теплую человеческую плоть штык, душить до крови из-под ногтей в рукопашной, зубами грызть, если не кипит в сердце горячая ненависть.

Там, на войне, я ненавидел немцев. Не фашистов, нет, именно немцев. Звук их горланной речи, их губные гармошки, все «ихнее». И не один я, все ненавидели. И в бой, на смерть шли с этим чувством, оно было гораздо сильнее страха за свою жизнь. Тогда для всех общим лозунгом было: «Убей немца! Сколько раз увидишь, столько раз убей!» У каждого очень скоро появлялся свой счет к врагу, желание отомстить. Вот из этих счетов и складывается жестокая атмосфера войны. Иначе просто не может быть.

Но вот прошли годы. Мне не раз пришлось побывать в Германии, встречаться и беседовать с немцами, в том числе и с ветеранами второй мировой, и... ненависти не было. Поначалу даже, может быть, немного странным казалось: вот

сидит передо мной человек, с которым мы друг друга могли и даже очень хотели убить на фронте. И уж ненавидели, даже не зная один другого, огого как! А вот прошли годы, беседуем мы, два уже немалых человека, и нет между нами ненависти.

Почему? Наверное, потому что как ни сильно это чувство, оно недолговечно. Не может, не должна ненависть жить десятилетия и века. Ведь кто, с кем только не воевал! Что ж, выходит, теперь все народы на соседей волком должны смотреть? Нет, у ненависти, к счастью, короткий век.

Я понимаю, в таком случае меня вправе спросить: «Так что ж, все простим и забудем?» Что ответить? Что мне ответить человеку, чьих родителей и малолетних братьев сожгли заживо в избе каратели? Что ответить женщине, прошедшей ужасы фашистских концлагерей? Что ответить тем, кто потерял всех родных в блокаде, в Ленинграде или в партизанских селах Белоруссии?

Да, много чего натворили они на нашей земле. И потому, что война есть война, и потому, что идеология фашистская, и потому, что у каждого тоже завелся свой счет. Потому что не только они к нам, мы к ним тоже были жестоки, кто воевал, тот знает...

Страшное безумие, которое называют войной, отошло в прошлое. Не лучше ли оставить его суду истории? Не для нас лучше, что мы, мы — старики. Для молодых. Потому что ненависть, переданная из поколения в поколение, все равно порождает только ненависть. А это — новая война...

Нет, нельзя, невозможно просто забыть о жертвах, вычеркнуть из памяти имена погибших. Но только ради этой памяти толкать к новой беде? Нет, я не хочу, чтобы снова на полях сражений люди убивали друг друга, не хочу новых невинных жертв. Пусть живут люди, пусть любят молодые, пусть растут дети. И вообще хочу сказать, самое главное, чего мы добились, наша страна, это что мы отодвинули угрозу войны, самой страшной на свете беды.

Пусть молодежь наших стран не знает взаимной ненависти, пусть дружат, сотрудничают, торгуют. Пусть живут в мире. Это лично для меня важнее всего.

У нас мне не раз приходилось слышать недовольные голоса, когда из Германии стали присылать так называемую гу-

манитарную помощь, продовольственные посылки. Вот, мол, подачки, побежденные подают милостыню победителям! Я считаю, говорить это просто неприлично. А кто виноват, что довели мы себя, страну свою до такого состояния? Немцы? У них разруха была не меньше нашей, однако живут они, и уже давно, во много раз лучше нас. Не агенты из-за рубежа, мы сами все это с собой сотворили. И если немцы из добрых побуждений стараются нам помочь — благодарить их за это надо. И учиться у них, чтобы из своих неприятностей самим выкарабкаться. Чтобы наши ветераны-победители жили не хуже, чем их ветераны-побежденные.

Кончилась война... Полвека прошло. Два поколения выросли. Тех, кто воевал, их остались единицы. Я смотрю по своим фронтовым друзьям. Нас осталось совсем немного. Если мы собирались раньше, сто двадцать человек — наш дивизион, снимали большой зал в ресторане, то сейчас можем собраться в двухкомнатной квартире, нас семнадцать-восемнадцать человек. И мы должны до сих пор ненавидеть? Считать, что мы враги на всю жизнь? Да мне рассказывали, что наши люди, участники войны, которые переехали жить в Германию, они там получают пенсию. Немцы платят пенсию своим прошлым врагам! Потому что внимание обращают главным образом на то, что человек воевал, а значит, перенес страдания, несчастья, и их надо хоть как-то ему компенсировать. В этом я вижу уровень их цивилизованности.

Конечно, есть люди, которые все-таки со мной не согласятся. Они больны болью тех лет, и это можно понять. Но согласиться и продолжать жить ненавистью — это значит, отвернуться от будущего. А будущее у всех нас, живущих на земле, может быть только если все меньше будет ненависти, если будет мир.

Пройдет не так много времени, и не останется на свете живых участников той войны. Только обелиски будут напоминать о них. И все же, уходя, мы должны преподать молодым поколениям мудрый урок мира. Нам, отстоявшим Отчизну, защитившим человечество, отвоевавшим мир, должно хватить душевной силы показать всем: память о подвиге живет вечно, а у ненависти — короткий век.

Записал
С. БАБАЕВ.